

УДК 1

В. И. Красиков

РУССКИЕ ФИЛОСОФЫ-ЭМИГРАНТЫ: СУДЬБЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ В 40–60 ГОДЫ XX ВЕКА

В статье исследуются особенности судеб групп русских философов в эмиграции. Сначала выявляются жизненные траектории представителей ранее наиболее влиятельных групп «евразийцев» и «патрологов». Далее обсуждается адаптация молодых мыслителей русского происхождения в западные научные сообщества.

Ключевые слова: русская философия в эмиграции, евразийцы, патрологи, адаптация.

V. I. Krasikov

RUSSIAN EMIGRE PHILOSOPHERS: FATE OF REPRESENTATIVES OF THE FIRST WAVE IN 1940–1960 XX CENTURY

This article reviews the fate of particular groups of Russian philosophers in exile. First, it detects life trajectories of the most influential representatives of groups of the «Eurasians» and «patristic scholars». Next, it discusses the specificity of adaptation of young Russian thinkers to Western scientific communities.

Keywords: Russian philosophy in exile, the Eurasians, patristic scholars, adaptation.

Отечественная философия в XX веке испытала ряд потрясений, которые были резонансны катастрофическим событиям, случившимся с Россией в целом. Россия разделилась на большевистскую и эмигрантскую, как и русская философия, пережившая в начале XX века свой «Серебряный век». Причем сложилось так, что за рубеж были высланы практически все немарксистские философы и в особенности лидеры основных фракций дооктябрьской русской философии. Хотя и многие из них были в возрасте за 40–50, они сумели развернуться и реализовать в полной мере свой потенциал и в эмиграции. Более того, благодаря их влиянию и поддержке смогли реализовать себя и более молодые мыслители, образовав новые интересные группы (евразийцев и патрологов). Однако то, что не могли сделать большевики, сделала, с одной стороны, биологическая сила старения – гранды русской философии (Бердяев, Булгаков, Шестов, Франк) один за другим уходили из жизни, с другой – всеобщая катастрофа Второй мировой, всеерьез изменившая жизненные планы и стратегии русских мыслителей среднего поколения.

В изменениях, которые произошли в интеллектуальной среде русской эмиграции в военное и послевоенное время середины XX века видны проявления действия двух факторов:

→ упадка наиболее активных в интеллектуальном отношении в 20–30 годах XX века групп русских философов-эмигрантов: евразийцев и патрологов;

→ возобладания среди молодых интеллектуалов русского происхождения стратегии на активную индивидуальную адаптацию в западноевропейские и североамериканские научные сообщества (Кожев, Койре, Гурвич, Берлин).

Рассмотрим, последовательно и обстоятельно, эти детерминации.

Судьбы евразийской группы

Николай Сергеевич Трубецкой (1890 г. р.) отошел от активной работы в евразийском движении еще во время «кламарского раскола» 1928–1929 годов, однако впоследствии продолжал участвовать в евразийских изданиях. С большим вдохновением писал труды по лингвистике и с большой неохотой пропагандистские статьи на евразийские темы. Жаловался, что евразийская пропаганда погубила его как ученого, отняв слишком много времени. Хотел перебраться в США, но не успел. Это-то его и погубило. Пребывая в Австрии, подвергся после 1938 года притеснениям со стороны гестапо: допросам и аресту. От концлагеря его спас лишь титул князя, значительная часть его научных рукописей была конфискована во время обыска и впоследствии утрачена, все это привело к печальному исходу в этом же году (инфаркт).

Георгий Владимирович Вернадский (1888 г. р.) именно вследствие своевременной эмиграции в Америку (1927) обеспечил себе долгую, академически плодотворную и профессорско-почтенную жизнь: Йель и др. топ-университеты, 1956 – пенсия, кончина в 1973. По признанию одного из критиков, он стал столпом новейшей историографии США. Смог, вероятно, полностью реализовать свою философско-историческую концепцию «месторазвития» России как единства кочевого и славянского элементов, оконтуренную в 20-х годах в евразийских изданиях, написав пятикнижие «История России». Без сомнения индивидуально весьма удачная сложившаяся жизнь, но именно как академического специалиста по истории России, но не как представителя некогда влиятельного направления – в Европе, но никак не на американском континенте.

Петр Петрович Сувчинский (1892 г. р.) прожил почти 93 года, сумев избежать, в конце концов, и чекистских соблазнов, и военных лишений. Благодаря породе (граф), обе-

спеченности и воспитанию, всегда умел быть в эпицентре общественно-политических событий, особо при этом не утруждаясь. Как настоящий светский лев, сочетал в себе и интеллект, и блестящие художественные дарования. Само евразийство, как отмечают многие, было для него скорее одной из форм достижения публичной значительности. После кламарского фиаско, возвращения ряда евразийцев в советскую Россию (Святополк-Мирской, С. Эфрон, с их последующей гибелью в лагерях), отходит от евразийства с конца 30-х годов, занимаясь впоследствии музыкальным творчеством и культурной деятельностью.

Николаю Николаевичу Алексееву (1879 г. р.) повезло не вернуться в советскую Россию, хотя он к этому и приложил серьезные усилия, успев получить даже советское гражданство, находясь в Югославии. Ухудшение отношений между Сталиным и Броз Тито закрывает ему дорогу возврата, что, несомненно, спасло его от участи многих евразийцев. С 1948 года вплоть до своей мирной кончины в 1964 году он проживает в тихой европейской гавани – Женеве, пребывая в почтенных академических занятиях. Особых трудов конструктивно-созидательного плана в это время за ним не замечено.

Петр Николаевич Савицкий (1895 г. р.) пережил в 1945 году то, что ожидало бы Н. Н. Алексеева, вернись он в СССР: арест и срок (8 лет лагерей за контрреволюционную деятельность). Отбывал наказание в Дубровлаге (Мордовия) до 1956 года. От предложения остаться в Москве благоразумно отказался, вернувшись в полусоветскую Чехословакию, где зарабатывал на жизнь переводами.

Савицкий оказался наиболее стойким и активным евразийцем: и в дальнейшей разработке идей, и в попытках организации преемственности. Именно он в 50-х годах, после заочного знакомства, вступает в переписку

с Л. Н. Гумилевым, который тогда подступает к своей будущей теории пассионарности и идеям об историческом симбиозе России с кочевыми народами, передавая ему «эстафету евразийства». В 1960 году Савицкий выпустил на Западе под псевдонимом П. Востоков сборник стихов, описывающий его пребывание в сталинских лагерях, за что в 1961 году был арестован органами госбезопасности ЧССР, но выпущен под давлением мировой общественности (прежде всего благодаря влиянию обращения британского философа Б. Рассела). Умер во время событий Пражской весны.

Больше всех из отцов-основателей евразийства не повезло *Льву Платоновичу Карсавину* (1882 г. р.). С 1928 (после Кламары) по 1944 годы он обрел вторую родину в Литве, преподавая в столичном университете и проводя фундаментальные исследования («Теория истории», пятикнижие «История европейской культуры»), пользуясь большим уважением литовцев. Но вот пришли Советы и началось ожидаемое: увольнение, арест за антисталинские высказывания и «десятка». В итоге смерть в 1952 году от туберкулеза в спецлагере для инвалидов в поселке Абезь Коми, что под Воркутой.

Итак, группа «евразийцев» – наверное, первоначально самая успешная и громкая по своей новизне, популярности и амбициям – совершенно сходит на нет, большинство из ее создателей и основных идеологов, за исключением Савицкого, «атомизируются» и утрачивают корпоративную волю. Лишь благодаря Петру Николаевичу традиция сохранилась и обрела новые наполнения у Гумилева, Дугина и др., оставшись важнейшим трендом современной российской мысли.

Патрологи

Послевоенная история фракции, получившей обозначение «неопатристического синтеза», другого успешного новообразования 20–30-х годов среди групп, составлявших

эмигрантское сообщество интеллектуалов, выглядит более выигрышно, чем у «евразийцев». Тому способствовали три обстоятельства: а/ гомогенность проекта (религиозно-философская, в отличие от евразийской междисциплинарности); б/ благожелательность и поддержка со стороны структур РПЦ и РПЦЗ, равно как и имманентно консервативно настроенного православного духовенства; в/ создание своего институционального центра в богатой и сытой Америке (Свято-Владимирская семинария в Нью-Йорке), вотчины и кузницы кадров.

Вместе с тем, у них отсутствовало то единство, которое можно было наблюдать, хотя бы вначале, в период формулирования теоретической платформы, у евразийцев. Три главных деятеля неопатристики, похоже, не имели особого взаимопонимания, согласования своих позиций, тем более какие-либо организационные формы сотрудничества (наподобие евразийских). Если Флоровский и Вл. Лосский еще имели по крайней мере общего противника в лице «софиологии» Булгакова, то Афанасьев был личным другом о. Сергия. Может быть, лишь более молодые Шмеман и Мейендорф смогли несколько отстраниться от перипетий личных отношений внутри Богословского института.

Георгий Васильевич Флоровский (1893 г. р.) обрел имя и репутацию еще в Старом Свете в теоретических столкновениях по поводу булгаковской софиологии. После этого его положение в Свято-Сергиевском Богословском институте было двусмысленным, поскольку коллеги и ученики Булгакова так никогда и не простили ему атак на соловьевско-булгаковские традиции русской религиозной философии. Проведя военные годы в Югославии, вернувшись было назад в Богословский институт, он продолжает чувствовать свою инородность. И решает начать свой самостоятельный проект в Новом Свете. В 1948 году по приглашению митро-

полита Американского Феофила переезжает в Нью-Йорк, где становится профессором, а затем и деканом Свято-Владимирской духовной семинарии. Находясь во главе этого учебного заведения, он реформирует его в соответствии со своим пониманием религиозного образования, создавая институциональный центр своего направления, комплектуя его своими приверженцами. Однако крупных исследований уже не было, подобных тем, которые он осуществил в Европе в 30-х годах. С 1956 по 1964 годы Флоровский – профессор церковной истории в Гарварде. В 1964 году вышел на пенсию и переехал в Принстон, где работал приглашенным профессором на кафедре славистики и богословия местного университета вплоть до смерти в 1979 году.

Владимир Николаевич Лосский (1903 г. р.) – второй по значимости после Флоровского основоположник патрологии, особенно поусердвовавший, вероятно по причине молодости («Спор о Софии», 1936), в основательном теоретическом погроме софиологии. В 1944 году совпадают два знаменательных события – выходит значительная богословская работа Вл. Лосского («Очерк мистического богословия Восточной церкви»), в отсутствие которой упрекал его Булгаков 8 лет назад, и умирает сам Булгаков. Лосский приезжает в Париж на его похороны, однако софиологический конфликт ему так и не простили – он ни разу не был приглашен для выступлений в Свято-Сергиевский институт, хотя сейчас профессорами этого института являются его сын, Николай Владимирович, и внук, Андрей Николаевич.

С 1944 по 1953 годы преподает догматическое богословие и церковную историю во Французском православном институте св. Дионисия. Как и Флоровский – активный участник экуменического движения и патрологических конференций. Скончался от сердечного приступа в возрасте 53 лет.

Николай Николаевич Афанасьев (1893 г. р.) – третий знаменитый богослов-патролог, который построил свои взгляды на основе «возвращения к истокам», Церкви Отцов, тщательного исследования евхаристической экклезиологии ранних церквей. Только в начале 30-х годов он оказывается в Париже, в стенах знаменитого Богословского института, где преподает в течение десяти лет и органично входит в его коллектив, став другом и Булгакова и Зеньковского, выступая на их стороне в достопамятном конфликте по «софиологии». С тех пор он, вплоть до своей кончины (1966), был связан с теоретической штаб-квартирой зарубежного православия. И хотя лично не сошелся с Флоровским и Вл. Лосским, по своим взглядам он объективно стоит на стороне неопатристики, более того, является одним из столпов этого движения. Он разрабатывает свою оригинальную концепцию церкви, соединяя взгляды А. Хомякова, Отцов Восточной церкви и собственные исследования. Основные ее положения:

→ «царственное священство всех крещенных» – на основе активного действительного вовлечения мирян в богослужение, отрицание разделительной черты по степеням посвящения;

→ плюрализм местных, равновеликих друг другу церквей – любая «местная» церковь обладает всей полнотой Церкви, против универсалистских притязаний высшей церковной бюрократии и тотальных властных вертикалей (à la папизм и пр.).

Афанасьев задал иной вектор развития «возвращения к истокам»: восстановления не мысли Отцов о вере, но их духа веры – актуализировать тот жизненный настрой раннего христианства, который делал его приверженцев «новыми людьми», открывавшими новую главу человеческой истории.

Александр Дмитриевич Шмеман (1921 г. р.) родился в Ревеле в русской семье, со стороны отца имевшей предками остзейских немцев, и в раннем детстве был увезен

из Эстонии во Францию. С того времени и до отъезда в Америку (1951) жизнь русской эмиграции в Париже сделалась его жизнью. В 1940–1945 годах учился в Парижском богословском институте, где уже с третьего курса его излюбленными предметами стала церковная история, в особенности древняя и византийская. Никогда не увлекавшийся «софиологическими» умозрениями Булгакова – при огромном личном к нему уважении – Александр Шмеман с самого начала избрал своей специализацией историю Церкви. Наиболее значимым в интеллектуальном плане для него оказалось личное знакомство и увлечение концепцией Николая Афанасьева. Идеи последнего оказывались созвучными родственным веяниям богословского возрождения во французском католицизме (40–50-е годы) – «возвращению к истокам» и Движению за литургическое обновление.

В 1951 году он переезжает в Нью-Йорк, приняв приглашение Свято-Владимирской семинарии (Флоровского – «был его зов»), так как был недоволен «удушающей атмосферой в Богословском институте». Его карьера здесь идет довольно успешно: в 1959 году защищает докторскую диссертацию по литургическому богословию, а в 1962 году и до последних дней жизни он – декан Свято-Владимирской семинарии, то есть захватывает властные позиции. Причем это произошло (1955) в контексте конфликта с прежним лидером – Флоровским: в итоге 34-летний молодой человек, отчасти даже ученик Флоровского, вынуждает его уйти, правда, в Гарвард, но ведь покинуть свое детище. Шмеман довольно туманно пишет о том в своих «Дневниках», указывая на «непримиримость» Флоровского и его «идеологизм», который оказывается приверженностью к «византизму». Так или иначе, но даже вне личностной подоплеки обращение Шмемана к истокам было отлично от восстановления византийской чистоты (и очищения от эллинства) православия à la Флоровский

или Вл. Лосский. Оно более напоминает некий православный протестантизм – в виде восстановления искренности и действительности веры в изнывающем от безверия мире.

В своих трудах о. Александр призывает вернуться к «нормальной» древней церковной практике регулярного причащения и пересмотреть для этого и практику «подготовки», и практику исповеди. Формулировка этого призыва звучит как заголовок всего литургического богословия XX века: «Открыть все заново». В чем смысл утверждений о «евхаристической природе Церкви»? В том, что необходимо вновь и вновь актуализировать (обновить) и интенсифицировать эмоционально-волевые состояния-сопровождения веры – в обрядах крещения, причащения, исповеди, соборования и пр. – вовлекать туда как можно больше народа и как можно чаще, создавая-актуализируя тем самым «коллективную реальность», соборный дух православия. Церковь есть народ, собранный вокруг алтаря для Евхаристии.

Иван Феофилович Мейендорф (1926 г. р.) также воспитанник и преподаватель Богословского института в Париже (1950–1959). В 1959 году по приглашению Шмемана переезжает в Америку в новый центр православной неопатристики (Свято-Владимирскую семинарию), который их совместными усилиями обрел еще и автокефальную Русскую православную церковь в США (1970). Мейендорф был близким другом и стал преемником Шмемана на посту декана семинарии, после кончины последнего (1984), стоял у ее руля вплоть до своего последнего часа (1992).

Если Шмемана называют великим пастырем, педагогом и организатором, то Мейендорф – в большей степени богослов, причем соединивший в своем творчестве обе линии неопатристики: и «афанасьевско-шмемановскую», и «флоровско-лосскую». В своих книгах о. Иоанн прослеживает историю православно-христианской мистической

традиции, истоки которой он видит в раннем египетском монашестве. Истинно христианское богословие немислимо без мистики: богословский экзистенциализм и мистика исихазма – это два необходимых аспекта одной и той же Истины. Именно мистическая направленность является главным отличием восточной богословской традиции от западной.

Таким образом, «патрологи», как группа в православном богословии и религиозной философии, имела в своем развитии и подъеме, и времена внутреннего раскола. Ее «золотой век», 20–30-е годы, связан с именами Флоровского, Вл. Лосского и Н. Афанасьева, затем последовали трудные времена войны, исхода на новый континент и внутренних проблем. Приход к руководству движением новых молодых лидеров (Шмеман, Мейендорф) привел к новому качественному скачку в его развитии, реализующемуся в явном успехе и пристальном интересе к нему в современной православной России и религиозно ориентированных интеллектуалов.

Фактор адаптации

Те молодые русские философы, которые только входили в состояние зрелости в междувременье **I и II мировых войн, сумели, благодаря молодости и элитному образованию, успешно преодолеть культурно-языковой барьер, реализовать стратегию полной адаптации с инокультурным окружением, став здесь «своими».** Более того, они не только освоились, но и вошли в элиту западноевропейской философии. Что же они делали, чем отметились в послевоенное время?

Александр Владимирович Кожневников (1902 г. р.) после войны «оставляет философию на воскресенье» и начинает работать чиновником в Министерстве экономики в правительстве де Голля, несколько позже знатоки французских кабинетных дел назовут его даже «серым кардиналом» в правительстве Жискара д'Эстена.

В чем секрет влиятельности идей Кожева на последующие направления западноевропейской философии: экзистенциализм, структурный психоанализ, политическую философию? Предвосхищением наиболее популярных идей 60–80-х годов: о «смерти человека», «конце истории» и др. Шок ли это от резкого взвинчивания темпов общественного развития, радикальных изменений традиционных ролей и предназначений человека? Так или иначе, но ницшеанская ностальгия по сильной воли, демоническим страстям, романтизму художественного проникновения в действительность всегда привлечет к себе множество интеллектуалов, теснимых обезличенностью и зомбификацией современной культуры. На этой ниве пожали свою славу многие, но одним из первых стал Кожев, подавший свои идеи в солидной упаковке знаменитой гегелевской диалектики «господина и раба» из «Феноменологии духа».

В 60-е годы идеи Кожева оказывают серьезное влияние на некоторых радикальных франкфуртцев (например, идея «одномерного человека» у Маркузе) и через них – на левое молодежное движение, симптоматично, что сам философ умирает именно в революционный 1968 год. Позже идеями Кожева заинтересуются американские правые, консервативные политические философы Лео Штраус и Аллан Блум. Наконец, популяризованные идеи Кожева находят свою дорогу к массам через книгу Френсиса Фукуямы, ученика Блума, которая теоретически подвела итоги холодной войны с точки зрения американских правых. Кожев по популярности и влиятельности, пожалуй, обошел Бердяева, оставшегося все же «слишком русским», как и Исайю Берлина, также философа русского происхождения, ставшего, может быть, уже «совсем не русским».

Александр Владимирович Койранский-Койре (1892 г. р.) вернулся после войны

в Практическую школу высших исследований в Париже, где возглавил Центр исследований по истории науки. С 1956 до 1962 года он по 6 месяцев в году проводит в Институте высших исследований в Принстоне, став, таким образом, и влиятельным американским ученым. На основе изучения обширнейшей историко-научной литературы он создает общую методологическую концепцию научной революции Нового времени, основной итог его творческих усилий. Также он – основоположник теории интернализма (внутренних причин) в объяснении механизмов развития науки. Его работы этого времени: «Очерки истории философских идей в России» (1950), «От замкнутого мира к бесконечной вселенной» (1957), «Революция в астрономии. Коперник, Кеплер, Борелли» (1961) и др. Скончался в 1964 после тяжелой болезни.

Георгий Давыдович Гурвич (1894 г. р.) после войны получает место профессора в Сорбонне и становится одной из центральных фигур французской социологии, занимая важные административные научные посты.

Гурвича нельзя назвать только социологом, поскольку его исследования всегда имели междисциплинарный характер. Они – на стыке между социологией, правом, историей, антропологией и социальной психологией. В его творчестве можно встретить идеи Фихте, Бергсона, Гуссерля, социалистические воззрения Сен-Симона, Прудона и Маркса, социологические теории М. Вебера, Дюркгейма, Мосса.

Он был социологом философского склада, ориентированным скорее на немецкую, чем на французскую философскую традицию, продуцировавшим фундаментальные труды по общей социологии. Наиболее значительные из его работ появились именно в послевоенное время, на шестом-седьмом десятке его жизни (кончина в 1965 году).

Наконец, ярким примером адопции стал *Исайя Берлин* (1909 г. р.), самый молодой из

группы адоптантов, который также позиционируется в западной литературе как не русский (британский) философ. Однако, как и в случае с тремя предшествующими фигурами, «русский след» прослеживается достаточно четко и у него. Двенадцатилетним ребенком, для которого русский язык был родным, его увозят в Англию, которая и становится его родиной. Это уже само по себе некоторое исключение из практически поголовно французской дислокации большинства наших философов, социологов и богословов. Он усваивает английский как родной, что было облегчено еще не совсем безнадежным для этого процесса возрастом, получает, в конце концов, престижную работу и престижные назначения (несмотря на неявный антисемитизм). Но даже на пиках своей блистательной карьеры (профессор Оксфорда, президент колледжа, президент Британской академии, рыцарь империи), он остается с «чувством изгнанничества» и чувствует себя чужим среди сообщества английских философов, где давно уже царил логический позитивизм и Витгенштейн. Контекст его размышлений – немецко-русский, что не удивительно в силу известного симбиоза этих форм континентальной мысли начиная с XIX века. Сам Берлин не только посвятил огромное количество своих работ России, но и глубоко разбирался в русских делах, о чем свидетельствует его «русское интервью» («я всю жизнь писал о

Белинском, Герцене, Писареве») и дружба с Ахматовой, Пастернаком.

Берлин известен более как автор «двух концепций свободы»: «позитивной и «негативной». «Негативная» – отсутствие ограничений, препятствующих действиям человека или группы людей в их намерениях осуществить осознанные желания. В противоположность этому, «позитивная» свобода толкуется как возможность человека или группы людей самостоятельно, без вмешательства внешних факторов, определять свою судьбу.

В своем «русском интервью» он говорит о двух других своих идеях, которые, по его словам, открыты лично им. Первая – о важности появления на рубеже XVII–XVIII веков *идеи искренности*. Раньше главным считалось знание одной и только одной истины, насаждение ее и страдание за нее. Уважать человека за то, во что он верит, за то, что он абсолютно искренен в своей вере, живот за нее положит, – это новая идея. Она лежит в основе веротерпимости и нового свободного либерального общества. Вторая идея о *постоянной «нестыковке» абсолютных ценностей*: они часто несовместимы друг с другом (свобода и равенство, счастье и знание, любовь и красота и т. п.) и требуют постоянных согласовываний, компромиссов. Сэр Исая прожил долгую почти девяностолетнюю (1997) жизнь.